

Андрей Курейчик

СТАРЫЙ-ПРЕСТАРЫЙ СЕҢЬОР С ОГРОМНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

(По мотивам одноимённого рассказа Гарсиа Маркеса)

Действующие лица:

Пелайо.
Элисенда, его жена.
Сын.
Отец Гонсаго.
Рыбак.
Соседка.
1-ый сосед.
2-ой сосед.
3-ий сосед.
Женщина.
Лунатик.
Ямаец.
Антрепренёр.
Женщина-паук.

Старый-престарый сёньор с огромными крыльями.

Действие происходит во дворе дома Пелайо.

Картина 1.

Двор Пелайо. Дождь. Пелайо собирает крабов в мешок. Из дома слышится затихающий плач новорожденного.

Пелайо. Эх, хе-хе... Сколько вас тут наплодилось. Видать, наступили тёмные времена... с четверга. Элисенда, Элисенда! Сколько крабов...

Элисенда. *(выходя из дома).* Я здесь, Пелайо, не кричи так, ребёнок заснул. Целую ночь надрывался, устал...

Пелайо. Третий день льёт дождь, вот они и расплодились.

Элисенда. У младенца всё ещё жар тела, боюсь, вдруг это чума.

Пелайо. Я и говорю, на земле наступили тёмные времена. Пойду выброшу крабов в море...

Элисенда. Хорошо, только не удивляйся, если они наплодятся снова.

Пелайо. Бывали времена и похлеще.

Элисенда. Да, бывали времена и похлеще. Только бы он не умер во сне.

Пелайо. Я скоро вернусь... *(Она уходит в дом, он идёт к морю и выбрасывает крабов. С неба к нему во двор падает старик с огромными крыльями. Он пытается встать, но не может — его крылья слишком велики, они намокли и тяжелели. Пелайо возвращается и видит его).* Ого... Что только не привидится в такую погоду. Такой упадок, даже в сознании... Элисенда! Элисенда... *(Бежит в дом, возвращается с Элисендой. Они молча рассматривают старика).*

Элисенда. Кто это?

Пелайо. Я не знаю.

Элисенда. Откуда?

Пелайо. *(Указывает в верх).* Оттуда.

Элисенда. Похож на старьёвщика.

Пелайо. А глаза как у антиквара.

Элисенда. Это не антиквар.

Пелайо. Но и не старьёвщик.

Элисенда. Да, это не старьёвщик. Сердцем чую, не старьёвщик. Попробуй с ним заговорить.

Пелайо. Сама попробуй.

Элисенда. Почему я? А кроме того женатая женщина не должна разговаривать с незнакомым крылатым мужчиной. Ну чего стоишь? Поговори с ним!

Пелайо. *(Обращаясь к старику).* Добрый день. *(Старик молчит).* Молчит.

Элисенда. Нашёл, что ему сказать. Вокруг такой упадок, такое разорение, а ты “добрый день!” ты посмотри на него, какой он жалкий... А ты ему — “добрый день!”

Пелайо. *(Старику).* Кто ты? *(Старик молчит).* Ты из здешних мест?

Элисенда. Может, он иностранец?

Пелайо. Ты иностранец? *(Старик молчит).*

Элисенда. Может, он немой?

Пелайо. Или глухой.

Элисенда. Или глухонемой.

Пелайо. *(Сопровождая слова жестами).* Эй, старик! Ты упал — упал, на мой двор! Мой! Моё! Понимаешь? Это твоё — а это, это всё вокруг, это моё! Ясно? Я Пелайо, Пелайо, а это моя жена Элисенда. Как ему показать, что ты моя жена? *(Показывают).* Вот, жена... А ты кто такой? Ты, а? *(Старик начинает говорить на странном, непонятном языке).*

Элисенда. Что? *(Старик повторяет).*

Пелайо. Как-то неразборчиво... *(Старик повторяет).* Ничего не понимаю... Не понимаю ничего, что он говорит. Это не наш язык.

Элисенда. А чей?

Пелайо. Иностраный... Наверное, это иностранец, потерпевший кораблекрушение с иностранного корабля, и занесённый бурей чёрт знает куда.

Элисенда. *(Подумав).* Позовём соседку.

Пелайо. Думаешь, она знает?

Элисенда. Она знает всё о жизни и смерти, пусть посмотрит на него.

Пелайо. Хорошо, пусть будет так. (*Элисенда выходит*). И всё-таки странно, что у тебя такие большие крылья, старик. Я не встречал в этой стране людей с такими крыльями. Они не куриные, не орлиные и не голубиные... Из каких ты краёв? И есть ли там крабы? (*Старик что-то отвечает*). Да, да, только я ничего не понимаю. Ничего не понимаю из того, что ты мне говоришь... (*Входит Элисенда вместе с Соседкой. Соседка смотрит на старика*).

Соседка. Это ангел.

Элисенда. Да ну?

Пелайо. Откуда тебе это известно?

Соседка. Я знаю.

Пелайо. Ты знаешь?

Соседка. Я уверена. Это ангел, он летел за ребёнком, но бедняга так стар, что его сбило дождём.

Пелайо. Ангел в этих краях... Давно такого не бывало.

Соседка. Я их всех знаю, нынешних-то ангелов. Они все заговорщики.

Пелайо. Кто?

Элисенда. Почему заговорщики?

Соседка. Это уж точно я вам говорю. Точно, точно, я-то знаю. Они все беглецы, спасшиеся после большого заговора на небесах. Да, да, именно так!

Элисенда. И ты говоришь, он летел за ребёнком?

Соседка. За твоим ребёнком.

Элисенда. Надо забить его палкой! Пелайо, слышишь? Он летел за нашим ребёнком, его надо забить палкой!

Пелайо. Слышу, слышу... Эх, старик, в недобрый час ты летел над моим домом. Придётся, тебя забить... (*Идёт, берёт дубину и подходит к старику*).

Соседка. Правильно, Элисенда, правильно, нечего позволять всяким ангелам делать всё, что им вздумается...

Элисенда. Чего ты ждёшь, Пелайо?

Пелайо. Да, сейчас... (*Замахивается, но не может ударить и опускает дубину*). Не решаюсь я что-то...

Соседка. Боишься?

Пелайо. Не могу. Что-то не хватает духу. Это ж не краб — ангел всё-таки... Да и посмотри, как он смотрит... Нельзя же когда такой взгляд дубиной...

Элисенда. Тогда запри его! Запри, чтобы он не мог причинить вреда нашему ребёнку. Пусть сидит под замком.

Соседка. Это верно, так всем спокойней будет.

Элисенда. В курятник запри, там крепкая стальная проволока и толстые сваи, пусть там сидит... Я не хочу, чтобы он забрал моего ребёнка, не хочу!

Пелайо. Ладно... (*Пелайо подходит, хватая старика и волоком тянет его в курятник*). Тут и впрямь тебе будет спокойней.

Соседка. Только никто не должен знать, что у вас во дворе ангел.

Пелайо. Почему?

Соседка. Ни к чему, чтобы кто-то знал. Это должна быть тайна. Большая тайна. Слышите? Я знаю, я правду говорю.

Элисенда. Тайна?

Соседка. Большая тайна!

Элисенда. Слышишь, Пелайо, что она говорит? Это должна быть большая тайна. Ты не должен никому рассказывать.

Пелайо. Я и не собирался.

Соседка. Да, пусть это будет тайна.

Элисенда. Да, пусть это будет тайна!

Картина 2.

Входит Рыбак.

Рыбак. А это правда, что у Пелайо во дворе живёт ангел во плоти и крови?

Пелайо. Правда, но это тайна.

Рыбак. Да, да, я знаю, все уже в курсе. А это правда, что ангел летел забрать вашего ребёнка, а Пелайо сбил его камнем весом в пуд?

Пелайо. Он сам упал.

Рыбак. А про заговор на небесах правда?

Пелайо. Не знаю, спроси у соседки.

Соседка. Я никогда не говорю неправды.

Рыбак. *(Указав на курятник).* Это он?

Элисенда. Он. Надо было всё-таки забить его палкой...

Рыбак. А почему немый?

Элисенда. А ты на себя посмотри.

Рыбак. На себя и дома могу посмотреть. *(Рассматривает старика).* Хм, ничего особенного... *(Уходит).*

Затемнение.

Картина 3.

Пелайо, целую ночь убивавший крабов, возвращается домой. Его ждёт Элисенда.

Пелайо. Я, наверное, выбросил их целую гору, но всё равно много осталось.

Элисенда. Пелайо, ребёнку стало лучше. Жар отпустил его ночью, и утром ему захотелось есть. Я накормила его, и он повеселел. Он махал ручонками, словно прощался с болезнью. Я знаю, она уходила из него, и он будет жить.

Пелайо. Это, наверное, потому что того ангела сбил дождь.

Элисенда. Наш ребёнок будет жить.

Пелайо. А я думаю, мы должны отблагодарить его.

Элисенда. Кого?

Пелайо. Ну этого старого сеньора с крыльями. Ангела.

Элисенда. Пусть так, хотя мне было бы спокойней, если б ты его тогда забил, а тело его давно стало морской тинной.

Пелайо. Но он жив.

Элисенда. Да...

Пелайо. Его надо отпустить. И тогда мысли о нём больше не будут мучить тебя.

Элисенда. Правильно, мы построим ему плот, дадим провизии, много провизии и подслащенной воды и отпустим его в море — пусть море решит его судьбу.

Пелайо. Да, мы будем великодушными.

Элисенда. А как мы ему это скажем?

Пелайо. А как люди говорят — языком! Надеюсь, он нас поймёт... Пойдём во двор. *(Они выходят во двор, а тем уже собралась целая толпа соседей возле клетки, которые без всякой набожности развлекаются с ним).*

1-ый сосед. Пусть ещё что-нибудь скажет. Мне кажется, я уловил слово “Курляндия”.

2-ой сосед. Да ничего такого он не говорил.

3-ий сосед. Какой-то он дряхлый...

2-ой сосед. Наверное, они его не кормят.

1-ый сосед. Да он голодный. *(Ангелу).* На, бери, это фасоль!

3-ий сосед. Ничего не ест.

1-ый сосед. *(Ангелу).* Не любишь фасоль. *(Ангел отвечает).*

2-ой сосед. Я думаю, что он имея крылья, должен есть то, что едят все крылатые. Надо дать ему фарша, сырого.

1-ый сосед. По-моему я ясно услышал слово “Курляндия”. Совершенно точно я услышал “Курляндия”. Это курляндский ангел.

3-ий сосед. Может, у него ком в горле, поэтому он и ни ест, и не говорит. Я знал одного, у того был ком в горле, да такой, что выпирал из шеи как второй кадык.

2-ой сосед. И что?

3-ий сосед. И ничего, — ничего хорошего. Он плохо кончил. Пытался его проглотить и подавился.

1-ый сосед. *(Ангелу).* Ну скажи “Курляндия”, скажи “Курляндия”.

Пелайо. Да что вы к нему привязались?

3-ий сосед. А вы уверены, что он ангел?

Пелайо. Не знаю. А вам какое дело?

1-ый сосед. А что, уже и посмотреть нельзя?

Элисенда. Почему нельзя, мы люди честные — никто про нас другого сказать не может. Смотрите на здоровье. Только не злите его.

2-ой сосед. Как твой ребёнок?

Элисенда. Выздоровел.

1-ый сосед. (*Ангелу*). Плохо ты летаешь, старик. Не выполнил свою работу, не забрал ребёнка...

Пелайо. (*Соседу*). Ты помолчи лучше, а то схлопочешь сейчас по зубам...

Элисенда. Да, Пелайо, дай ему по зубам, что больше никогда, никогда не смел говорить такое!

2-ой сосед. (*3-ему соседу*). Ох, сейчас ему не поздоровится, у Пелайо рука тяжёлая...

3-ий сосед. Рука да, а вот если он дубину возьмёт, тот тут держи Господь... (*Пелайо с недвусмысленным видом надвигается на 1-го соседа. Тот испуганно отступает. В это мгновение входит отец Гонсаго и Рыбак*).

Картина 4.

Отец Гонсаго. Кто тут упомянул Господа в суете? А? Я вам покажу, сукины дети!

1-ый сосед. (*Спасаясь, бросается к Отцу Гонсаго*). Отец, я хотел вам исповедоваться.

Отец Гонсаго. Не сейчас, сын мой, позже... Погреси ещё, чтоб не тревожить Господа по мелочам.

Элисенда. Отец Гонсаго, мы так рады вас видеть у себя в доме.

Отец Гонсаго. Здравствуй, Элисенда. Пелайо, можно тебя на минутку.

Пелайо. Зачем?

Отец Гонсаго. Я слышал... Не знаю даже как сказать... Тут появился слух, ну конечно, только слух, что у тебя в курятнике... Честное слово, не знаю даже как сказать...

Рыбак. Ангел.

Отец Гонсаго. Заткнись! Сам знаю, что сказать! Невозможно поговорить, всякий тебе подсказывать будет! Ну в общем... ангел.

Пелайо. Правда?

Отец Гонсаго. Ну я тоже не поверил. Как в такое можно поверить? Ангел в курятнике — глупость...

Рыбак. Да вон он, в курятнике...

Отец Гонсаго. В курятнике? Где? (*Оборачивается, видит старика в курятнике*). Так это правда...

Пелайо. Правда.

Отец Гонсаго. (*Подходит к курятнику, рассматривает старика*). Так... У кого какие мнения?

Все. Ну... Это... Ну, в общем... Это... (*Всё перерастает в общий гомон*).

Отец Гонсаго. Молчать! Теперь то же самое, но по одному. Ты!

1-ый сосед. Это ангел.

Отец Гонсаго. Неожиданное мнение. Все так думают? (*Молчание*). Допустим. А если не ангел?

2-ой сосед. Тогда кто?

Отец Гонсаго. Правильно. И что будем с ним делать? (*Только все начинают говорить. Орёт*). По одному!

3-ий сосед. У меня есть мысль...

Отец Гонсаго. Вот только не надо нас пугать.

3-ий сосед. Я предлагаю назначить его алькальдом. Да, алькальдом! Алькальдом. Ведь что получается, у всех алькальды кто?

Отец Гонсаго. Кто?

3-ий сосед. Люди, да, а у нас будет ангел. Хорошо получится, да?

Отец Гонсаго. Всё?

3-ий сосед. Всё.

Отец Гонсаго. Ещё мнения есть?

1-ый сосед. Он станет генералом.

Отец Гонсаго. Кем?

1-ый сосед. Генералом.

Отец Гонсаго. Любопытно. Ну-ну, продолжай...

1-ый сосед. Я как глянул на него, на его героическое лицо, — посмотрите, у него же героическое лицо, то сразу это понял.

2-ой сосед. Да уж лицо у него, так лицо...

Отец Гонсаго. (*С сомнением*). Это да...

1-ый сосед. Он станет генералом, получит пять звёзд и выиграет все войны!

Отец Гонсаго. У разумных людей мнения есть?

2-ой сосед. А я думаю, это вопрос непростой, его с кондачка не решишь.

Отец Гонсаго. Разумно. Продолжай.

2-ой сосед. Спасибо. Я думаю, проанализировав ситуацию, раз к нам в руки попало такое сокровище, грех его не использовать.

Отец Гонсаго. Как?

2-ой сосед. Ясное дело как, для размножения.

Отец Гонсаго. Для чего?

2-ой сосед. Для выведения новой породы людей, конечно. Людей с крыльями! Людей, готовых взять все тяготы вселенной... Я даже готов предоставить для этого... всё, даже свою дочь.

3-ий сосед. (*1-му соседу*). Ловко он придумал. Видел я его дочь — такая страшная, что куры шарахаются. А что будет, если её с ангелом спарить?

2-ой сосед. Кошмар... Вот новая раса, так новая раса выйдет.

Отец Гонсаго. Я всё слышу! (*2-ому соседу*). У тебя всё?

2-ой сосед. А что ещё? Ну как, по-моему замечательная идея? А?

Отец Гонсаго. (*Со вздохом*). Господи, меня окружают одни идиоты. (*Рыбаку*). Ну а ты что думаешь?

Рыбак. Я?

Отец Гонсаго. Ты.

Рыбак. Неправильно всё это.

Отец Гонсаго. Правильно! Мне надо помолиться. (*Отходит от них, молится*).

1-ый сосед (*2-ому соседу, указывая на отца Гонсаго, тихо*). А он раньше лесорубом был. Глянь, какой лоб.

Отец Гонсаго. (*Сквозь молитву*). Я всё слышал.

3-ий сосед. А я слышал про такое... В одной деревушке, к югу от Большой реки, тоже объявился мужик с крыльями. Правда тот был молодой. Тоже все подумали — ангел! А потом выяснилось, что это пациент какого-то нового медицинского центра. Медицина-то сейчас достигла большого развития. Вот доктора и пришивали там кому что: кому — крылья, кому ноги лишние, кому руки, а кому и что-нибудь... Ну это уже для потехи. Даже голову пришивали, если кому мало одной...

2-ой сосед. Атому мужику что, нужны были крылья?

1-ый сосед. Да зачем они нужны? Зачем человеку крылья?

3-ий сосед. Это правда, ни к чему. Надо проверить, не пришиты ли крылья и у этого?

Пелайо. Нет, нет, свои. Можете даже не смотреть, — ни шва, ни ранки, словно и родился с ними.

1-ый сосед. Странно... А ещё я слышал про явление Святой Девы Марии слепой пастушке...

2-ой сосед. Ну Святая Дева являлась многим. Это обычное дело на побережье. А кроме того (*указывает на старика*) это же не Святая Дева Мария.

3-ий сосед. Да, это не дева...

Рыбак. А я слышал, что в одной семье родился ребёнок со свинными копытцами. Он так смешно цокал, что ему пришлось сделать войлочные туфельки...

Отец Гонсаго. (*Заканчивает молитву, встаёт*). Всё ясно... Откройте мне дверь. (*Пелайо открывает ему дверь курятника*). Никто за мной не идёт...

Рыбак. А я?

Отец Гонсаго. А ты — вообще отойди. (*Входит в курятник, рассматривает старика, здоровается с ним на латыни, ангел не отвечает*). Не понимает, по латыни... Странно... (*Пытается снова — безуспешно. Выходит*).

Элисенда. Ну что?

Отец Гонсаго. Воняет.

Пелайо. Так ведь курятник...

Отец Гонсаго. Знаю. (*Оборачивается ко всем*). Братья и сёстры... Нет, мне здесь низко говорить... Я ж священник, я должен возвышаться... (*Взбирается на возвышение*). Братья и сестры. То, что вчера случилось...

2-ой сосед. Что случилось?

1-ый сосед. Эстер двойню родила.

2-ой сосед. Да? От кого?

Отец Гонсаго. Почему меня никто не слушает? Я что здесь, сам с собой разговариваю? Никому не интересно?

3-ий сосед. Простите, отец Гонсаго, продолжайте...

Отец Гонсаго. Могу, да? Никому не мешаю? Так вот, что хочу вам сказать... Только сперва ответьте мне на один вопрос, ты (*указывает на 1-го соседа*), скажи мне, только правду говори — от кого родила Эстер?

1-ый сосед. От Родриго.

Отец Гонсаго. Я так и думал! Эх ты! Вот потаскуха... Так о чём это я?

Рыбак. Курятник.

Отец Гонсаго. Сам знаю. Не дайте умам своим смутиться и обмануться! Я как ваш духовный пастырь напоминаю вам, дети мои, что дьявол имеет скверную привычку прибегать к маскарадным средствам дабы смущать посторонних. Ведь если крылья не могут служить основным признаком определения разницы между ястребом и аэропланом, то ещё меньше по ним можно распознать ангела.

1-ый сосед. Так он не ангел?

Отец Гонсаго. Я этого не сказал.

2-ой сосед. Значит, он ангел.

Отец Гонсаго. Я не сказал и этого. Но я обещаю вам написать письмо епископу, с тем, чтобы тот написал ещё более высокому лицу, которое в свою очередь напишет самому Папе Римскому, и таким образом окончательный вердикт будет исходить от суда самого высочайшего. У меня всё по этому вопросу, *(слезает с возвышения)*. Все свободны. Прощай Пелайо, Элисенда. Уж и не знаю, что сказать.

Пелайо. Подождём вердикта.

Отец Гонсаго. Подождём.

Элисенда. Главное, он не забрал нашего ребёнка. Хотите рюмочку чего-нибудь? На дорожку... *(Подносит ему рюмку)*.

Отец Гонсаго. Там разберутся. *(Пьёт. Рыбаку.)* Идём... *(Уходят, остальные соседи обступают курятник и рассматривают старика с огромными-преогромными крыльями)*...

Затемнение.

Картина 5.

Люди стоят в ровненькой очереди к курятнику. Там стоит Элисенда.

Элисенда. Пять сентаво за просмотр ангела. Пять сентаво и вы своими глазами увидите настоящего ангела! С крыльями и перьями... Ветерана небесного заговора. Будущего родоначальника новой расы. Пять сенаво...

Женщина. *(Подходит к Элисенде)*. Здесь живёт ангел?

Элисенда. Здесь, женщина, здесь. Хочешь на него посмотреть? Пять сентаво.

Женщина. Бог с тобой, зачем мне на него смотреть. На картинках они лучше выглядят, красивые, молодые, мытые...

Элисенда. А зачем пришла?

Женщина. Недужу я.

Элисенда. Что такое?

Женщина. Послушай.

Элисенда. Что?

Женщина. Сердце, слышишь?

Элисенда. Нет.

Женщина. Оно бьётся не так как надо, моё сердце... Я считаю удары его с детства, но их число никогда не доходит до нужного. А ангелы, говорят, помогают в сердечных делах...

Элисенда. Ну плати пять сентаво. *(Женщина вздыхает, но платит, подходит к курятнику и дотрагивается до ангела)*. Ну как полегчало?

Женщина. Ну это ж, наверное, не сразу...

Элисенда. А когда?

Женщина. Теперь ему надо разогнаться.

Элисенда. Кому? Старику?

Женщина. Сердцу. Моему сердцу...

Элисенда. А... Следующий! *(Женщина уходит. К Элисенде подходит ямаец, даёт ей деньги)*.

Ямаец. Я приехал с Ямайки...

Элисенда. Тоже полечиться?

Ямаец. Скоро уже ночь.

Элисенда. И что?

Ямаец. Джа дышит... А что люди делают ночью?

Элисенда. Спят.

Ямаец. Джа знает... Я не могу спать.

Элисенда. Совсем?

Ямаец. Совсем.

Элисенда. Давно?

Ямаец. Джа помнит... С рождения. А ещё этот шум...

Элисенда. Какой?

Ямаец. Джа слышит... Звёзды...

Элисенда. Звёзды?

Ямаец. Они шуршат. Ох, я, они так шуршат. Просто кошмар ночи — какие они шумные. Эти звёзды... Особенно Южный Крест и Стрелец... Они не дают мне спать.

Элисенда. Понимаю. Вот у меня ребёнок, и он тоже плачет по ночам.

Ямаец. Джа смеётся. Ну куда ребёнку до звёзд? Он один, а их много-много...

Элисенда. Ангел там. *(Ямаец направляется к курятнику, но Элисенда окликает его)*. Послушай, ямаец, а кто такой Джа?

Ямаец. Джа — это Джа... *(Идёт к курятнику, распевая какие-то ямайские песни. Входит лунатик)*.

Элисенда. Всё ямайцы безумные... *(Лунатик кивает)*. А у тебя что?

Лунатик. У меня ничего. Всё хорошо, всё хорошо, всё просто замечательно. Только не поручайте мне ничего делать, добрая хозяйка.

Элисенда. А я и не собиралась тебе ничего поручать.

Лунатик. Пожалуйста, не надо мне поручать ничего делать!

Элисенда. Да я и не собиралась!

Лунатик. Да? Уф, гора с плеч! Вы не обманываете меня?

Элисенда. Ты сумасшедший?

Лунатик. Нет, что вы. Сумасшедший — это ямаец.

Элисенда. А почему тебе нельзя ничего поручать?

Лунатик. Я лунатик.

Элисенда. Ходишь ночью?

Лунатик. Нет, я лучше, то есть хуже... Ночью я уничтожаю то, что сделал днём. Представляете? Поручают мне сделать сети, а ночью я рву их... Днём скажут покрыть крышу тростником, а ночью кто-то поджигает крышу, и весь дом сгорает дотла. И каждую ночь я брожу и ищу то, что сделал днём, чтобы уничтожить это самым безжалостным образом... Так что не надо мне ничего поручать сделать. А мне так хочется что-нибудь сделать! Так хочется! Хотите я вам почию забор! Или сделаю веранду!

Элисенда. Нет, нет, не надо...

Лунатик. А утром я просыпаюсь и вижу, что всё разрушено... Всё разрушено! *(Плачет)*.

Элисенда. Бедненький. Иди к нему, иди, вдруг, действительно поможет.

Лунатик. Точно не надо ничего чинить? А то я могу...

Элисенда. Нет, нет, мы сами... Бедненький! *(Лунатик подходит к ангелу, трогает его. Уходя)*.

Лунатик. Там курятник в одном месте покосился, так я поправил...

Элисенда. Нет! нет!

Лунатик. Пошутил я, пошутил... *(Уходит)*.

Картина 6.

Выходит Пелайо.

Пелайо. Ну как?

Элисенда. Мы с тобой стали богаты, Пелайо! А очередь желающих посмотреть на него тянется до горизонта...

Пелайо. Может, его покормить? Он выглядит измученным.

Элисенда. С чего это?

Пелайо. Совсем плохо выглядит. Чем их кормят?

Элисенда. Не знаю. Это же не человек...

Пелайо. А кто знает? *(Вдруг появляется соседка)*.

Соседка. Вы хотите знать, чем кормят ангелов? Я могу сказать вам совершенно точно. Совершенно... Кристаллы камфоры...

Элисенда. Камфоры?

Соседка. Именно кристаллы камфоры — и ничего другого. Если хотите знать, это и есть специальная пища ангелов. У меня как раз есть немного, могу продать...

Пелайо. Давай. Кормить-то его всё равно чем-то надо... Посмотри, он совсем осунулся... Я боюсь чтоб не умер.

Соседка. *(Достав мешочек)*. Это самая лучшая камфора. Пятьдесят сентаво...

Элисенда. Сколько?

Соседка. Ну пища ангелов дорого стоит.

Элисенда. Ладно... *(Покупает)*. Сеньор ангел, старик, эй, возьми... *(Предлагает ему камфору, но тот не берёт)*. Не хочет...

Соседка. Значит, не голоден! Я пошла... *(Уходит)*.

Элисенда. *(Ангелу)*. Ну посмотри, вкусная камфора... Ммм! Какая вкусная камфора! Тьфу! Какая гадость.

Пелайо. Не будет он камфору...

Элисенда. Может, они вообще не едят?

Пелайо. Хорошо, что крабов меньше стало...

Элисенда. Западный ветер всегда приносит засуху.

Пелайо. Да, западный ветер... Послушай, Элисенда, принеси мне что-нибудь перекусить... Только не кристаллов камфоры... *(Жена уходит в дом. Старику)*. Ты должен питаться. Голод — это не лучший попутчик, да... Всякое живое существо чем-то питается, да, на то оно и живое. Даже вот последний краб... Я помню в детстве мы голодали — нас было много, а еды мало. И это было самое ужасное... С тех пор я ем всё... *(Выходит Элисенда, с миской)*.

Элисенда. Вот, перекуси...

Пелайо. Что это? *(Смотрит)*. Ты же знаешь, я терпеть этого не могу! *(Ангел что-то говорит)*.

Элисенда. Слышишь? Бормочет что-то...

Пелайо. Ты хочешь баклажанной кашицы? (*Ангел утвердительно отвечает*). Бери... Бери. (*Ангел несмело берёт и ест*). Смотри, ему нравится... Тебе нравится? А может, он уже слишком стар, и ничего другого просто уже не может есть.

Элисенда. Или баклажанная кашица — это и есть пища ангелов. (*Смотрит на старика*). Ну что, поел? Давай сюда миску. Давай... (*Берёт*). Смотри ты, совсем мало съел, с краешку только потрогал и всё... Как мало надо ангелу для счастья. Не то что человеку.

Пелайо. Надо обратиться, а то скоро придут паломники.

Элисенда. Да только ночами выпадают нам спокойные деньки. Глупость сказала, так ведь я женщина. Зато сказала правильно!

Пелайо. (*Ангелу*). Ну что, у каждого своё занятие в жизни, тебе сидеть в курятнике, а нам тебя показывать. Паломникам — на тебя смотреть, а отцу Гонсаго расследовать твоё появление. Жизнь идёт своим чередом, ведь так?

Элисенда. Не знаю, так его и оставим?

Пелайо. Надо попробовать научить его говорить.

Элисенда. Что-то он не выглядит очень умным.

Пелайо. Ну если можно научить говорить даже попугая Ара, то почему нельзя научить говорить ангела?

Элисенда. Ну попробуй...

Пелайо. (*Подходит к курятнику и пытается заговорить со стариком*). Добрый день... Меня зовут Пелайо. Я — Пелайо. Я! Пелайо. А ты кто? (*Ангел что-то отвечает*).

Элисенда. Ничего он не понимает.

Пелайо. Да подожди ты. Не так просто в чужой обстановке найти общий язык. (*Снова обращается к старику*). Я — Пелайо. Это — мой дом. Мой дом! Повтори. Мой дом. Мой дом. (*Ангел что-то говорит*). Нет, ты повтори — мой дом. Мой дом! (*Ангел что-то говорит на непонятном своём языке*).

Элисенда. Да ничего он тебе не повторит. Это какой-то отсталый ангел...

Пелайо. Не всё сразу. (*Старику*). Давай ещё раз. Вот смотри, видишь — это мой дом. Скажи, мой дом, мой дом! Это же просто. Ну скажи, мой дом... (*Пауза. Ангел что-то отвечает. Пелайо безнадежно качает головой*). Да, наверное для него это слишком трудно...

Элисенда. Ну вот видишь, я же говорила.

Пелайо. Но ведь для чего-то же его приспособить надо.

Элисенда. А научи его мести дворы. Может быть, он способен к физическому труду?

Пелайо. Не знаю, не знаю, надо попробовать. (*Выводит ангел во двор, берёт метлу*). Вот смотри, это метла. Ей метут дворы. Вот так, вот так, понимаешь? Чтобы мусор в кучки... Вот так, вот так... Теперь попробуй ты. (*Ангел берёт метлу, но ничего с ней не делает*).

Пелайо. Нет, (*снова забирает метлу*) надо мести. Вот так, вот так... (*Ангел смотрит на метлу. Берёт её и начинает выделывать всякие забавные штуки. Пелайо вздыхает*). Ох, боюсь, что ни к чему он не пригоден...

Элисенда. Жаль, а лишний работник в доме не помешал бы...

(*Пелайо и Элисенда уходят*).

Картина 7.

Ночь. Выходит соседка и крадётся к курятнику.

Соседка. Эй, эй, иди сюда. послушай, хочешь, я тебя выпущу отсюда? А? Я тебя выпущу отсюда, и мы пойдём ко мне. Ты знаешь, мне очень нужен ангел. Я давно живу без мужа, он умер от чумы семь лет назад, и я сейчас очень тоскую без него. Я тоскую без мужчины. А ты ведь не мужчина, ты ангел, а это гораздо лучше. Мы будем жить вместе, родим детей, с крыльями, а потом они вырастут и улетят, и мы останемся одни... Но мы не будем печальны. Я буду заботиться о тебе. Я ведь с самого начала знала, что кристаллы камфоры — это не пища ангелов. Я с самого начала знала, что ты будешь есть только кашицу из баклажанов... Я буду готовить тебе самую лучшую кашицу из баклажанов. Только пойдём со мной. (*Ангел опускает голову*). Не хочешь? Почему? Я тебе не нравлюсь? Я могу быть красивой. Гораздо красивой... Я просто сейчас... не в том платье вышла. А с тобой я буду всегда красивой. Пойдём со мной... (*Выходит Пелайо*).

Пелайо. Эй! Кто здесь?

Соседка. Это я, Пелайо.

Пелайо. Что ты тут делаешь у моего курятника?

Соседка. (*Ангелу*). Если захочешь, только шепни... Я мигом тебя выпущу... (*Уходит. Пелайо осматривается и тоже уходит*).

Картина 8.

Утро. Входят паломники, обступают курятник, прыгают вокруг него, пытаются привлечь внимание старика, рвут перья из его крыльев, прикладывая их к своим ранам и болячкам, кидают камни, пытаются заставить ангела встать. Выходит Пелайо с миской.

Пелайо. Ах вы негодники! Пошли вон! Вон пошли с моего двора! *(Хватает дубину и прогоняет паломников)*. Пошли отсюда! Уф... Откуда они только берутся? *(Подходит к курятнику)*. Эй, старик... Эй, ангел, это я, Пелайо, я принёс тебе кашу из баклажанов... Твоя любимая каша. Обернись, посмотри... Это я, Пелайо. Я... *(Старик не реагирует)*. Элисенда! Элисенда, скорей иди сюда! *(Выходит Элисенда)*.

Элисенда. Что такое?

Пелайо. По моему он умер.

Элисенда. Кто?

Пелайо. Старик, ангел. Посмотри...

Элисенда. Может, просто спит?

Пелайо. С чего вдруг, никогда ведь не спал. А кроме того, я кричал так громко, что разбудил бы и ангела.

Элисенда. Не знаю, не знаю... А разве ангелы умирают?

Пелайо. Никогда не слышал о мёртвых ангелах.

Элисенда. Я тоже... Но ведь кто-то же должен знать, умирают они или нет. *(Появляется соседка)*.

Соседка. Умирают. Я знаю точно — умирают! Похлеще нашего умирают!

Элисенда. А от чего?

Соседка. От старости... Все умирают от старости. Он был слишком стар, чтобы оставаться ангелом.

Элисенда. Что же нам теперь делать? Пелайо.

Пелайо. Почему ты меня спрашиваешь. Вот она всё знает — у неё и спрашивай!

Элисенда. За забором исцеления ждут сотни паломников. А это по пять сентаво с носа. Кто же пойдёт смотреть на мёртвого ангела по пять сентаво с носа?

Соседка. Надо будет уменьшить цену. А пока никому об этом нельзя говорить! Такие слухи пойдут. Это должна быть тайна. Большая тайна. Слышите? Я знаю, я правду говорю.

Элисенда. Тайна?

Соседка. Большая тайна!

Элисенда. Слышишь, Пелайо, что она говорит? Это должна быть большая тайна. Ты не должен никому рассказывать, что наш ангел умер.

Пелайо. Я и не собирался.

Соседка. Да, пусть это будет тайна.

Элисенда. Да, пусть это будет тайна! *(Входит Рыбак)*.

Рыбак. А это правда, что у вас ангел умер?

Пелайо. А тебе какое дело?

Рыбак. Правда, сам вижу.

Пелайо. Что ты видишь? Что ты видишь? Да он просто спит.

Элисенда. Прилёг отдохнуть, утомился... Хочешь посмотреть, плати пять сентаво!

Рыбак. Нашли дурака, платить пять сентаво, чтобы посмотреть на дохлого ангела.

Соседка. Говорила я, снижай цену...

Элисенда. Не хочешь платить, тогда иди отсюда! Пелайо.

Пелайо. Слышал, что тебе сказали! Иди с глаз долой!

Рыбак. Не очень-то и хотелось... *(Уходит, крича)*. У Пелайо ангел умер! Слушайте все, у Пелайо ангел умер! У Пелайо ангел умер! *(Голос его затихает вдали)*.

Пелайо. Ну вот, теперь все знают...

Соседка. Шило в мешке не утаишь, это точно.

Элисенда. Вот и кончилось наше богатство. Всё-таки жаль, что ты не забил его тогда палкой, а то его сейчас даже жалко... *(Входят соседи, паломники, Рыбак и отец Гонсаго)*.

Отец Гонсаго. Пелайо.

Пелайо. Да отец Гонсаго.

Отец Гонсаго. Можно тебя на секундочку...

Пелайо. Конечно, святой отец.

Отец Гонсаго. Мне тут сообщили, ну в общем, я даже не знаю как сказать... Это правда?

Пелайо. Что?

Отец Гонсаго. Ну что...

Рыбак. Что ваш ангел сдох!

Отец Гонсаго. Заткнись ты в конце концов! Мерзавец! Прости господи... Сам знаю, что сказать... Так это правда, что он... умер?

Пелайо. Правда...

Отец Гонсаго. Мне надо сказать речь, где тут статья.

Рыбак. Сюда... вот.

Отец Гонсаго. Дети мои, братья и сестры, смерть приходит к каждому: к смертному и бессмертному. *(Вдруг к Пелайо)*. Что он правда умер? А то может, я здесь зря распинаясь?

Пелайо. Вроде... Смотрите сами, лежит, не двигается.

Отец Гонсаго. Ну нормальный ангел, если это ангел, конечно, валяться в грязи и молчать с закрытыми глазами не будет. Значит умер...

Элисенда. И что нам делать, отец Гонсаго?

Отец Гонсаго. Скорбеть!

Элисенда. Мы скорбим.

Отец Гонсаго. Правильно.

Элисенда. А дальше?

Отец Гонсаго. Дальше его надо похоронить.

Элисенда. Как?

Отец Гонсаго. Элисенда, много вопросов задаёшь. Как, как... В Катехизисе ничего не сказано “как”. Но ничего, я сегодня же напишу письмо епископу, а тот напишет письмо более высокому лицу, который напишет письмо самому Папе Римскому, так что инструкции относительно похорон будут исходить с самого верха.

Пелайо. Это хорошо. Только что от него останется, пока до нас дойдут эти инструкции.

Соседка. Я знаю, как хоронят ангелов!

Отец Гонсаго. Откуда ты знаешь, ты что, их хоронила?

Соседка. Умным людям достаточно только понюхать мясо, чтобы понять, что оно протухло, и не обязательно его есть, правда?

Паломники. Да, это да, точно сказано...

1-ый сосед. Она что, собралась его нюхать?

2-ой сосед. Да нет же, она говорила про мясо...

3-ий сосед. Зачем ей его мясо?

Отец Гонсаго. Это какая-то загадка, да? Я ничего не понимаю...

Пелайо. *(Соседке)*. И что мы должны с ним делать?

Соседка. Вы? Вы должны отрубить ему крылья, затем скрещением их накрыть его тело, которое следует сжечь в полнолуние на ветвях агавы. Пепел варить в воске, из воска вылепить свечи. Да, свечей должно быть сорок девять. Слышите, сорок девять свечей. Все поставить в рядок и зажечь, и вот, когда последняя свеча догорит, от неё отделится душа ангела и полетит в Рай. Вот он и будет похоронен...

Отец Гонсаго. Откуда ты это знаешь?

Соседка. Знаю.

Отец Гонсаго. Откуда знаешь?

Элисенда. Сорок девять свечей... Скрещенье крыл...

Отец Гонсаго. Знаешь откуда?

Соседка. Вот прицепился...

Пелайо. Я пошёл за топором. Крылья-то у него большие, так не оторвёшь. *(Идёт к дому)*.

Ямаец. Джа не верит...

1-ый сосед. Что?

Ямаец. А вдруг он не умер.

Пелайо. Что?

Ямаец. Он... А вдруг он не умер, на Ямайке такое бывает, ты умер, а затем снова живой. Может, он разговаривает с Джа...

Отец Гонсаго. Ты эти глупости брось! Джа... Святая Церковь не знает никаких ямайских Джа! А значит их нет! И никто с ними не разговаривает! Эти ямайцы опасны, я всегда говорил, ямайцы опасны...

Ямаец. А я разговаривал с Джа...

Отец Гонсаго. Так и знай, эти ваши ямайские суеверия здесь не пройдут! Что я мёртвых людей не видел?

Лунатик. Людей — да, но он же с перьями...

Женщина. Надо проверить, бьётся ли у него сердце... Сердце!

Элисенда. Ты за своим сердцем следи.

Соседи. Да он умер, умер...

Рыбак. Я сам видел, как он умер.

Ямаец и паломники. Это ещё ни о чём не говорит! Ни о чём не говорит! Я сколько раз умирал... Джа не умирает!

Отец Гонсаго и соседи. Хватит этих суеверий! Хватит! Проходимцы! Не смейте нам указывать! Мы сами разберёмся! Сами со своим ангелом разберёмся! *(Общий гвалт и перебранка)*.

Пелайо. Тише, тише, не кричите! Вот калёный прут с клеймом для молодых бычков. Прижгём его и проверим. Пусть все убедятся, что он мёртв. *(Подходит к старику и прижигает ему бок. Ангел в бешенстве вскакивает, кричит, машет крыльями так страшно, что все с криком разбегаются. Затем он снова садится и замолкает)*.

Картина 9.

Входит Пелайо с кашницей, с опаской подходит к курятнику, ставит миску и поспешно отходит. Входит Рыбак.

Рыбак. Ну как он?

Пелайо. Вроде тихо...

Рыбак. Чего он на нас так разгневался?

Пелайо. Я не знаю... *(Появляется соседка)*.

Соседка. Ангелы не гневаются. Я это знаю точно.

Рыбак. Не гневаются?

Соседка. Никогда. *(Испуганные, появляются остальные соседи)*.

3-ий сосед. А что это было?

1-ый сосед. Да, очень хотелось бы знать...

Соседка. Ничего особенного. Физические упражнения. Все ангелы так делают для подвижности крыльев.

Пелайо. А может, ему было больно...

Соседка. Ангелы не чувствуют боли, это давно известно. Его хоть тысячу раз жги калёным железом, он будет только улыбаться. Да ты попробуй сам, попробуй, Пелайо.

Соседи. Да, попробуй, прижги его... Да...

Пелайо. Не буду пробовать. А вам лишь бы одно, посмотреть как старик мучается.

Соседка. Да я ж тебе говорю, им это только приятно...

Пелайо. Хватит! Ничего не хочу слышать.

2-ой сосед. *(Указывает на старика)*. Смотрите, он опять сел.

Соседка. Просто он отдыхает после пережитого потопа. Ангелы тогда так устали, вычерпывая воду... *(Входит отец Гонсаго)*.

Отец Гонсаго. Здравствуй, Пелайо. Как жизнь...

Пелайо. А вы, святой отец, отлучились...

Отец Гонсаго. А я как раз вспомнил, что у меня есть одно неотложное дело. В церкви... Неотложное.

Пелайо. Понимаю.

Отец Гонсаго. Неотложное! *(Всем)*. И нечего на меня так глядеть! Ну, в общем, я рад, что всё прояснилось... Что все живы, здоровы... А где Элисенда?

Пелайо. Она в доме с ребёнком.

Отец Гонсаго. Ну и славно... Мне надо сказать речь. Где тут возвышение? А вот...

Рыбак. Помочь?

Отец Гонсаго. Я сам! Дети мои, говорил же я вам — всё это недобрые соблазны! Дети мои, бойтесь химер, бойтесь искушений, — они сведут вас с пути истинного так незаметно, что вы сами не заметите, как станете прислуживать Дьяволу. Да и разве гоже человеку приличному посвящать столько времени крылатым существам? В Катехизисе это не разрешается! Я всё сказал...

Рыбак. Хорошая речь! Правда?

Соседи. *(Все разом)*. Да, наш отец Гонсаго умеет задеть за живое! Замечательная речь! Прекрасная речь! Отличная... отличная...

Отец Гонсаго. Не надо, не надо... Это мой долг, как пастыря Христоваго стада. Господь помогает мне найти верные слова... *(Выходит Элисенда)*.

Элисенда. Попейте горячего молока, отец Гонсаго.

Отец Гонсаго. Спасибо, Элисенда. Ох, Пелайо, тревожит меня ваше существо, ох, тревожит...

Пелайо. А из Рима нет вестей?

Отец Гонсаго. Естественно, это конфиденциальная информация...

Рыбак. Ну-ка, ну-ка...

Отец Гонсаго. Отойди отсюда! *(Рыбак делает шаг назад)*. Дальше! Ещё дальше! А теперь вообще выйди отсюда! *(Рыбак выходит. Пелайо)*. Не дают и двух слов сказать... Что за люди!

Элисенда. Так нет вестей?

Отец Гонсаго. Пока нет. Жду с дня надень. Но высшие силы говорят мне, что письмо от... известно кого уже в пути.

Соседка. А мне высшие силы говорят, что письмо уже здесь.

Отец Гонсаго. Ты думаешь?

Соседка. Я знаю. *(Вбегают Рыбак)*.

Рыбак. Отец Гонсаго! Отец Гонсаго! Вам письмо из Рима! Из самого Рима!

Отец Гонсаго. Где?

Рыбак. Вот! *(Подает письмо)*.

Отец Гонсаго. Господи, спасибо тебе! Письмо из Рима! Видите? Я знал, я говорил, что оно придёт! А! Папа ответил мне! Мне! Ответил Папа! Всем ясно? Сейчас мы всё узнаем! Так, я вскрываю... *(Крестится и с благоговением, осторожно вскрывает конверт)*.

1-ый сосед. Ну что там?

2-ой сосед. А открытку он прислал?

Отец Гонсаго. Отойдите все!

Пелайо. Ну отойдите, отойди те все, не мешайте... Отцу Гонсаго надо сосредоточиться.

Соседи. Мы просто хотим знать!

Пелайо. Тише, тише, сейчас всё узнаем... *(Отец Гонсаго долго и вдумчиво читает, опускает бумагу, затем снова перечитывает)*.

Элисенда. Ну что?

Пелайо. Это ангел? (*Отец Гонсаго молчит*).

Рыбак. Это не ангел? (*Отец Гонсаго молчит*). А кто, мутант?

Соседи. Отец Гонсаго, не томите нас, кто это? (*Все смотрят на отца Гонсаго, тот выдерживает длинную паузу, и взбирается на своё возвышение*).

Отец Гонсаго. Дети мои...

Соседка. Он вам ничего не скажет.

Отец Гонсаго. (*Разочарованно*). Мне нечего вам сказать...

Элисенда. Так что там в письме?

3-ий сосед. Папа не знает?

Отец Гонсаго. Дурак, как ты только мог подумать такое?! Папа не знает! Папа знает! Только... Только... Только сначала он просит ответить на четыре вопроса.

Рыбак. Четыре?

Пелайо. Какие вопросы, отец Гонсаго?

Отец Гонсаго. На четыре вопроса, после которых станет возможно принять окончательное решение. Во-первых: есть ли у существа пуп? А?

Элисенда. (*Пауза*). Мы не знаем...

Отец Гонсаго. Как?! Это ведь принципиально! Надо знать! Распустились... Если уж таких вещей не знаем, то что же дальше? (*Смотрит в письмо*). Говорит ли он на арамейском, а?

Пелайо. Не знаю.

Отец Гонсаго. Позор. Может ли он несколько раз упасть на булавочное острие?

Пелайо. Не знаю.

Отец Гонсаго. И, наконец, главный вопрос: не является ли он просто крылатым норвежцем? Что молчите?

Элисенда. Отец Гонсаго, простите нас, мы не знаем. Мы никогда не видели крылатых норвежцев.

Пелайо. Да и вообще норвежцев...

Отец Гонсаго. И не надо отговорок! Это вам не игрушки! Ну...

Пелайо. Что "ну"?

Отец Гонсаго. Так чего мы стоим? Рим ждёт от нас ответов! Дети мои, я уже не буду становиться на возвышение, дети мои, наш долг выяснить истину! Рим полагается на нас! Дети мои, найдите кто-нибудь булавочное острие! Сейчас мы вскрыем нарыв лжи, найдём правду... Не бойтесь, Господь с нами!

2-ой сосед. У меня есть булавка...

Отец Гонсаго. Тогда вперёд, в курятник! С Богом! Все за мной! (*Все заходят, окружают ангела и одновременно начинают искать ответы на все вопросы. Дикий крик*).

Затмение...

Картина 10.

На сцене появляется антрепренёр бродячего карибского цирка с огромным чёрным ящиком.

Антрепренёр. Дамы и господа! Сеньоры и сеньориты! Впервые в вашем городе знаменитый цирк Аракуано показывает вам своё потрясающее, удивительное, фантастическое представление! "Женщина-паук, которой можно задавать вопросы!" Спешите видеть! Прошу, маэстро... (*Со всех сторон собираются соседи и паломники. Чёрный ящик открывается и оттуда появляется огромный тарантул с головой печальной девушки*). Два сентаво! Всего два сентаво за представление! Прошу вас, подходите...

Лунатик. Смотрите... Она двигается...

Антрепренёр. Всего за два сентаво вы можете рассмотреть её со всех сторон, чтобы воочию убедиться в подлинности кошмарного происшествия!

Ямаец. Сколько стоит?

Антрепренёр. Два сентаво... И вы можете задавать ей любые вопросы. (*Собирает деньги*). Прошу...

Рыбак. Ты спишь с мужчинами или с пауками?

Женщина-паук. Я ещё дева.

Элисенда. Как ты стала пауком, дитя моё?

Женщина-паук. О, кажется, это было так давно... Я была ещё почти девочкой, когда однажды я убежала из родительского дома на танцы. А когда, протанцевав без разрешения всю ночь, возвращалась лесом домой, небо вдруг со страшным грохотом разверзлось посередине и из этой третины появилась серая молния, которая и превратила меня в паука.

Женщина. Какая печальная история... Бедняжка, а всё из-за непослушания... У меня даже сердце чаще забилось. Слышите?

Элисенда. Да, печальная история... А такая хорошая девушка была.

Ямаец. Джа так делает... На Ямайке много таких...

1-ый сосед. А чем ты питаешься?

Женщина-паук. Я могу есть только катышки из мясного фарша.

Антрепренёр. Вот катышки! Платите сентаво, вы можете кидать ей их прямо в рот! Пожалуйста, пожалуйста, пробуйте...

2-ой сосед. Дайте мне катышков, в молодости я неплохо кидал камни...

3-ий сосед. А она не кусается?

Антрепренёр. Что вы, она совершенно безобидна... (*Соседи начинают забавляться с Женщиной-пауком*).

Рыбак. А она может плести паутину...

Антрепренёр. О, она это делает мастерски! Тончайшие севильские кружева!

Элисенда. (*Пытается вклиниться*). А никто не хочет посмотреть на ангела? На ангела никто не хочет посмотреть? Настоящего? А?

Рыбак. Да что ты привязалась со своим ангелом? Видели мы его уже! Видели!

Соседи. (*Наперебой*). А боится ли она птиц? Слушается ли она теперь своих родителей? Верит ли она в Бога? Делались ли ей предложения о замужестве?

Элисенда. (*Разочарованно*). Так что... Никто не хочет смотреть на ангела...

Рыбак. А что ещё может ваша Женщина-паук?

Антрепренёр. О, сколько вопросов! Какой интерес! Сеньоры, сеньориты, она может очень, очень многое! Но об этом — завтра в нашем следующем грандиозном представлении. Завтра вы услышите ответы на все свои вопросы, и даже сможете узнать ваше будущее... Величайшие предсказания Женщины-паука! Два сентаво за просмотр... (*Он закрывает Женщину-паука в чёрный ящик и уходит. Толпа начинает расходиться*).

1-ый сосед. Да, вот это настоящее зрелище!

Женщина. И какое печальное... За самое сердце берёт.

2-ой сосед. А я ей дважды катышками в рот попал. Не утратил былую сноровку... Я ведь был хорошим стрелком.

Ямаец. Она родом с Ямайки, точно... Все такие оттуда родом!

Лунатик. Это уж точно...

3-ий сосед. И всё-таки есть в ней что-то женственное... Что-то очаровательное.

Рыбак. Надо всё рассказать отцу Гонсаго... (*Все они уходят. Остаются только Элисенда и Пелайо*).

Пелайо. Ну что поделаешь... Всё в этом мире такое непостоянное. (*Элисенда сокрушённо качает головой*)

Элисенда. Ничего... Пойду приготовлю баклажанную кашу. (*Уходит в дом*).

Пелайо (*Подходит к курятнику, старику*). Ну, сеньор, похоже, ты никому уже не нужен... Никто больше не хочет платить пять сентаво, чтобы посмотреть на тебя. Даже одного сентаво никто не хочет платить. Теперь всех интересует только Женщина-паук. Конечно, ведь это настоящее чудо, не то, что у тебя. А какие у тебя чудеса? Посуди сам: слепой, к которому зрение не вернулось, зато выросли три новых зуба, или, помнишь, паралитик — ну такой, смешной, который так и не стал ходить, зато чуть было не выиграл в лотерею или прокажённый, у которого на язвах выросли подсолнухи. Нет, с такими чудесами далеко не уедешь... (*Уходит*).

Картина 11.

Ангел один, делает какие-то странные движения, словно пританцовывает и напевает что-то. На землю опускается ночь, луна, и вдруг начинает идти снег. Настоящий голубой снег. Старик радостно смеётся... Выбегает Пелайо.

Пелайо. Элисенда! Элисенда! Смотри! Снег! Снег! (*Выбегает Элисенда*).

Элисенда. Не может быть!

Пелайо. Посмотри! Настоящий снег! Это удивительно... (*Хохочет*).

Элисенда. Но этого не может быть... Здесь триста лет не было снега в эту пору!

Пелайо. Он холодный! Потрогай его, он холодный... Самый, самый, самый настоящий снег!

Элисенда. Надо набрать его в ведро... Надо поставить тазы, кастрюли...

Пелайо. Чудо, настоящее чудо... Самое настоящее чудо...

Элисенда. Надо найти тазы... (*Убегает в дом. Снег прекращается*).

Пелайо. Наверное, это какой-то знак. Снег всегда что-то означает, особенно когда его совсем не ждёшь... (*Уходит*).

Картина 12.

Ангел один. Открывается чёрная дверь ящика и из него выходит Женщина-паук. Она подходит к курятнику и долго рассматривает старика.

Женщина-паук. А тебя крыльями тоже наказали за непослушание? (*Ангел смотрит на неё*). Прости, я знаю, что всё не так. Я не хотела тебя обидеть... Я слышала, ты ангел, и тебя тоже показывают за деньги, как и меня? (*Старик кивает*). Но у тебя же есть крылья. Почему ты не улетишь? (*Старик пожимает плечами*). Не можешь? Или, может, тебе некуда лететь? (*Старик что-то говорит на своём непонятном языке*). А я и не думаю никуда уходить, хоть и научилась открывать этот ящик. Лапки у меня тонкие, ими легко... Сначала я очень расстраивалась, что меня вот так все рассматривают, бросают в рот катышки, задают эти глупые вопросы. А потом, сама не знаю как получилось. Мне понравилось... Да, мне нравится в цирке. Ведь в цирке я настоящая

артистка, мне даже аплодируют. А кому бы я была интересна, бегая по лесу? Разве что охотникам... А тебе не нравится быть на публике? (*Ангел кивает*). Ну это не всем нравится... Сначала я тоже смущалась своего вида, ну, знаешь, эти волосатые ножки, паучине брюшко, а потом подумала, что, наверное, это судьба... Всё-таки жалко, что ты не умеешь летать. Я так жалею, что та молния не дала мне птичьего тельца... (*Идёт к своему ящику*). Мне было приятно с тобой познакомиться. Хотела бы я, чтобы за моё представление платили пять сентаво... Завтра мы уезжаем в турне по побережью... Прощай старый-престарый сеньор с огромными крыльями... (*Заходит в ящик, тот закрывается и исчезает*).

Картина 13.

Прошло много времени. Пелайо в дорогом костюме выходит во двор. За ним Элисенда в лакированных туфлях и шёлковом платье.

Пелайо. Я съезжу на крольчатник. Управляющий говорит, что скоро можно будет продавать кроличье мясо по всему побережью.

Элисенда. Вчера снова приходили соседи. Они предлагают тебе стать городским альгвасилом.

Пелайо. Нет, нет, зачем мне лишние обязанности? Нужно содержать большой дом, следить чтобы кролики правильно размножились и толстели... У меня сейчас совсем другие заботы, чтобы становиться городским альгвасилом.

Элисенда. Я им так и сказала... Просто, а вдруг бы ты передумал?

Пелайо. Нет, нет, не может быть и речи.

Элисенда. Я так им и сказала: "Мой Пелайо слишком занятой человек, чтобы брать ещё гражданскую должность!" Так и сказала, но а вдруг бы ты передумал...

Пелайо. Я сказал — нет!

Элисенда. И правильно, правильно...

Пелайо. А где сын?

Элисенда. Он ещё не вернулся со школы.

Пелайо. Курятник бы починить... Совсем обветшал, прогнил, вот и проволока отваливается кусками...

Элисенда. А зачем нам курятник?

Пелайо. Да, может, и незачем. (*Уходит*).

Элисенда. Почему бы не стать ещё и альгвасилом? Не понимаю... (*Уходит в дом*).

Картина 14.

Выходит их сын, идёт к дому, но вдруг останавливается и заходит в курятник.

Сын. Покажи ещё раз мне свои крылья. (*Старик поворачивается спиной, чтобы тот мог хорошенько рассмотреть их*). Странно, они так естественно растут у тебя из спины, что можно только удивляться, почему их нет у меня. Почему, ты знаешь? Почему у людей нет крыльев? (*Ангел что-то отвечает*). А это правда, что в тот день, когда ты упал к нам во двор, ты летел за мной? (*Ангел отвечает*). Я ничего не могу понять, что ты мне говоришь... Мама часто жалеет, что папа не забил тогда тебя палкой. Она любит тебя... Слушай, а научи меня своему языку. Вот будет здорово! Я знаю язык ангелов, и все мне позавидуют... (*Вырывает из крыла перо*). Я это перо подарю Эстер Рохес, она сидит слева через парту от меня. Её отец почтальон Луисио Рохес, поэтому она знает больше всех. Неглупая девчонка. Ей должно понравится твоё перо... (*Ангел вздыхает*). А то перо, что я у тебя вырвал на прошлой неделе, я подарил Долорес Моарилья, потому что она бросила мне в волосы пластилин, а это верный признак юной любви. Я люблю девочек, они так хихикают...

Элисенда. Сынок, обедать. Да брось ты его, хватит сидеть в грязи, иди обедать...

Сын. Ну я пошёл, меня зовут... Спасибо за перо. (*Уходит в дом. Старик встаёт и начинает снова по двору, как неприкаянный*).

Картина 15.

Возвращается Пелайо. Из дома на встречу ему выходит Элисенда.

Элисенда. Ну как?

Пелайо. Наши кролики теперь продаются даже в устье! (*Видит старика*). Что это с ним?

Элисенда. Не знаю. Он уже несколько дней такой... Соседка сказала, что в это время года у ангелов всегда период меланхолии и неприкаянности духа. Это как-то связано с заговором на небесах, но я не поняла, честно говоря...

Пелайо. И что?

Элисенда. И ничего. Соседка посоветовала обкуривать его жжёным миндалём, и даже продала нам немного миндаля... (*Входит Отец Гонсаго*).

Отец Гонсаго. А, Пелайо, здравствуй. Как твои дела?

Пелайо. Благодаря богу, всё прекрасно.

Отец Гонсаго. Кролики?

Пелайо. Они самые...

Отец Гонсаго. Кролики это хорошо... *(Вздыхает)*.

Элисенда. А ваши как дела, отец Гонсаго? Как ваша переписка с Римом?

Отец Гонсаго. Вот вчера пришло девятое письмо. Ещё кое-что нужно уточнить. Я даже купил словарь норвежского языка, чтобы кое-что проверить. *(Смотрит на книгу)*. Чёрт бы побрал этих норвежцев, как они могут так говорить? Ничего же не понятно...

Элисенда. А мы вас так рады видеть, отец Гонсаго, вы единственный, кто ещё интересуется нашим ангелом.

Отец Гонсаго. Не доказано, что это ангел.

Элисенда. Простите, простите, нашим человеком.

Отец Гонсаго. Это не человек! Людей с крыльями не бывает.

Элисенда. Простите, ах да, я забыла... Нашим аномальным существом.

Отец Гонсаго. Вот, правильно. Правильно, — кто он, нам ещё предстоит выяснить...

Элисенда. Конечно, конечно...

Пелайо. А какая теперь вообще разница?

Отец Гонсаго. Ты не представляешь, Пелайо, честно говоря, я и сам не рад, что ввязался во всё это. Одни хлопоты... Только, что теперь поделаешь? Как говорить, человек полагает, а Рим располагает.

Пелайо. Это точно...

Элисенда. Настоечки? *(Подает ему рюмочку)*.

Отец Гонсаго. Не откажусь... *(Пьет)*. Ох, как они замучили меня этими своими вопросами! Иногда мне кажется, что даже там все ополоумели. Все же факты на лицо! Вот и реши — кто он, человек или ангел! Так нет! Нельзя... Я вам это спьяну всё говорю, так и знайте...

Пелайо. Кто ж на трезвую голову правду скажет?

Отец Гонсаго. А он вам не мешает? Какой-то он активный.

Элисенда. И не говорите, отец Гонсаго. Иногда у меня такое впечатление, что здесь не один, а целый полк ангелов. Слоняется туда-сюда. Метлой выгонишь из спальни, через секунду он уже на кухне. Ах, отец Гонсаго, какое несчастье жить в аду полном ангелов.

Отец Гонсаго. Он как-то нездорово выглядит...

Пелайо. *(Старику)*. Эй, дружище, давай я накину тебе на плечи одеяло. У него, кажется, озноб... *(Накидывает одеяло)*.

Отец Гонсаго. У ангелов...

Элисенда. Анормальных существ...

Отец Гонсаго. Именно это я имел в виду, у анормальных существ ангельского не может быть озноба, если это действительно ангельский тип, конечно. Что ещё не признано папской энциклопедией!

Соседка. *(Входит)*. Может быть озноб у ангелов! Может, я-то уж точно знаю.

Отец Гонсаго. Что за народ?! Каждый тебе только и норовит против сказать! Никакого уважения к священному сану... Пойду, язык учить, будь он проклят. Норвежская грамматика это вам не шутки...

Элисенда. Заходите ещё, отец Гонсаго, вы всегда желанный гость в нашем доме.

Соседка. *(Смотрит на больного старика)*. Не переживёт он эту зиму, точно вам говорю, не переживёт... Вот увидите.

Отец Гонсаго. Тогда мне надо поторопиться с норвежским... *(Уходит)*.

Пелайо. А что нам делать?

Соседка. Готовьте агаву и миртовые пеньки для погребальных костров... *(Тоже уходит. Элисенда и Пелайо подходят к старику. Тот в бреду, что-то бормочет, у него жар, он уже почти не может двигаться)*.

Элисенда. Нет, не протянет он эту зиму... Бедняжка, лучше б ты его забил тогда палкой! *(Начинает плакать)*.

Пелайо. Да, наверное, не протянет. *(Пауза)*. Я решил закупить новую породу кроликов. Гигантские, называются... Они вдвое больше обычных, и плодятся вшестеро быстрее. Вот увидишь, скоро всё побережье будет покупать только наших кроликов...

Элисенда. Да, наверное... *(Плачет, он обнимает её)*.

Затемнение.

Картина 16.

Старик с огромными крыльями сидит один. Ему лучше, в какой-то момент становится заметно, что его крылья начинают расправляться. Выходит Пелайо, ангел торопливо складывает крылья, убегает и прячется.

Пелайо. Эй! Эй, ты где? Чего это ты от меня прячешься? Выходи. *(Старик отрицательно кивает)*. В прятки играешь? *(Ангел кивает)*. Ну ладно... *(Кричит)*. Элисенда! Наш старик впал в детство! Он со мной в прятки играет... *(Уходит. Старик довольный выходит из своего укрытия. Он плутовато оглядывается, садится и начинает чистить свои крылья. Силы его возвращаются и он напевает себе под нос старые норвежские песенки. Выходит сын.)*

Сын. Эй, ангел, а вот ты где... У меня к тебе есть дело. Дай мне перо. (*Старик отходит от него*). Ну дай мне перо, посмотри какие они у тебя отросли: новые, красивые, белые... Дай мне перо, я подарю его Лучите Гомес, она мне невеста теперь, с тех пор как Мария Тиагуано оказалась такой душой... Дай мне перо! (*Бросается за стариком, тот проворно убегает*). Дай перо! Стой! Ну-ка отдай мне перо! Дай! Дай... (*Не может угнаться за проворным стариком, начинает плакать. Выходит Элисенда*).

Элисенда. Оставь его в покое, сынок.

Сын. Я хочу перо! Перо хочу! Что ему, жалко?

Элисенда. В школу опоздаешь.

Сын. Я перо хочу...

Элисенда. Ну что ты кричишь? Придёт отец, вы его поймаете и повырываете у него столько перьев, сколько захотите.

Сын. Обещаешь?

Элисенда. Конечно, мой сокол. А теперь беги в школу, а то опоздаешь на урок.

Сын. (*Старику*). Слышал, что мама сказала? Всё тебе повырываю, индюк! (*Направляется к выходу*).

Элисенда. (*Старику*). Ну что тебе пера было жалко? Ребёнка расстроил. Одни от тебя неприятности... Лучше бы Пелайо забил тебя тогда палкой. (*Поворачивается, чтобы идти в дом*).

Взмах крыльев. Они оборачиваются. Старик пытается взлететь, сначала неловко, неуклюже машет огромными крыльями, не вдруг он отрывается от земли и взлетает.

Все соседи, паломники высыпали во двор, пришли отец Гонсаго и Пелайо. А сын Пелайо и Элисенды плакал, топал ногами и требовал пера ангела, который легко набрал высоту и улетел в морскую даль...

Отец Гонсаго. Это ангел, теперь я понял, это был ангел...

Ямаец. И он улетел на Ямайку... Джа...

Пелайо. Хорошей ему погоды... Самой лучшей ему погоды...

Все долго смотрят ему вслед.

Конец.